

*ПЕНТКОВСКИЙ А. М.,
преподаватель Московской Духовной академии*

ИСТОРИКО-ЛИТУРГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОВЕСТВОВАНИЯ ИГУМЕНА ДАНИИЛА «О СВЕТЕ НЕБЕСНЕМЪ, КАКО СХОДИТЬ КО ГРОБУ ГОСПОДНЮ»

Одним из основных источников для изучения истории богослужения Иерусалимской Церкви являются свидетельства паломников. Так, во всех исследованиях, посвященных истории иерусалимского богослужения, рассматривается описание паломничества, составленное в конце IV века Эгерией, знатной паломницей из Аквитании¹. Записки русских паломников относятся к более позднему периоду и несопоставимы по значимости с этим памятником, но и они содержат много фактов, внимательное изучение которых может существенно дополнить сведения об иерусалимской литургической традиции.

Первым и наиболее известным памятником русской паломнической литературы является «Хождение игумена Даниила»², которое датируется началом XII столетия (вероятно, 1106/1107 годы). О самом Данииле известно немного: возможно, он был постриженником Киево-Печерской обители и позднее стал игуменом одного из монастырей на Черниговщине³. Следует отметить, что к началу XII столетия игумен Даниил был далеко не первым русским богомольцем, посетившим Святую Землю. Из жизнеописания преподобного Феодосия Печерского известно, что еще в 60-е годы XI столетия паломничество в Иерусалим совершил Варлаам, игумен киевского великокняжеского монастыря великомученика Димитрия («божествъный же Варлаамии <...> иде въ Святѣи градъ Иероусалимъ, таче походитьвъ святая та места възвратися въ свои манастырь»⁴). Возможно, повествования киевского игумена содержали и первые в русской традиции сведения об особенностях богослужения на святых местах, освященных Кровью Господа нашего Иисуса Христа. Упоминает о русских паломниках, ожидавших в Великую Субботу у Гроба Господня схождение небесного огня, и игумен Даниил в описании своего странствия: «русьтии сынове, приключъшиися тогда въ ть день — нгородци и кияне: Изяслав Иванович, Городислав Михайлович, Кашкича и инии мнози»⁵. Кроме того, игумен Даниил отмечает многочисленные рассказы странников об этом чудесном событии⁶, наличие которых свидетельствует о том, что в XI–XII веках паломничества в Святую Землю были нередкими. Сами же паломники имели особый статус, так как в Уставе князя Владимира о церковных судах паломники («калика», «стороник», «паломник») входили в состав «митрополичьихъ людей церковныхъ», пользовавшихся церковным покровительством⁷.

О святых местах напоминали на Руси не только рассказы благочестивых паломников. Образ иерусалимского храма Воскресения повторяли литургические сосуды, называвшиеся «Сионами» или «Иерусалимами», наподобие сохранившихся большо-

го и малого «иерусалимов» из Софийского собора в Новгороде. Существуют различные мнения о предназначении этих предметов, однако наиболее вероятно, что они использовались при совершении Литургии — новгородский архиепископ Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович) упоминает об «иерусалиме» при описании великого входа в Святой Софии Константинопольской⁸.

* * *

Записки игумена Даниила представляют интерес прежде всего для церковной археологии, поскольку в них зафиксировано состояние построек в Иерусалиме и на Святой Земле на начало XII столетия, то есть в самом начале латинского господства. Как известно, возведенные в IV столетии постройки Константина (Анастасис и Мартириум) были почти полностью разрушены в 1009 году при халифе аль-Хакиме, а остальное было уничтожено во время землетрясения 1034 года. И если после прихода к власти византийского императора Константина Мономаха (1042–1055 годы) необходимые субсидии из государственной казны позволили реконструировать церковь Воскресения (Анастасис), то Мартириум (Большая церковь Константина) так и не был восстановлен. Работы по реконструкции церкви Воскресения были завершены к 1048 году⁹. Именно к этому времени относятся мозаики, о которых упоминает игумен Даниил («А надъ полатами подъ верхомъ исписани суть пророци святыи мусиею, яко живи стоять, а надъ олтаремъ написанъ есть Христось мусиею. Въ олтари же велицемъ написано есть Адамово воздвижение мусиею, горе верху написано есть мусиею Вознесение Господне, оба полы олтаря на обою столпу написано есть мусиею Благовещение»)¹⁰.

С 15 июля 1099 года, когда в Иерусалим вошли крестоносцы, начинается новый период в истории богослужения на месте страданий и погребения Спасителя. На святых местах перед крестоносцами предстала единственная постройка — возведенная полвека назад церковь Воскресения (Анастасис). Вскоре началось строительство нового храма, сохранившегося до нашего времени. Частью этого храма, который существенно отличался от прежних построек, стала и византийская ротонда середины XI столетия. На месте ротонды (Анастасис) и базилики (Мартириум) был построен единый архитектурный комплекс (современный храм Воскресения Христова), план которого существенно отличался от плана построек IV столетия¹¹. Так, в новой постройке уже не было внутреннего двора между Анастасисом и Мартириумом, а главный алтарь нового храма был развернут на 180 градусов по отношению к ориентированному на запад (ко Гробу Господню) алтарю Мартириума.

Появление новых архитектурных форм сопровождалось формированием новой литургической традиции, во многом отличной от существовавшей на святых местах до разрушений в начале XI столетия и прихода крестоносцев в 1099 году. Одно из первых свидетельств об этой традиции принадлежит русскому паломнику — игумену Даниилу, который составил подробное описание богослужения Великой Субботы. В русской традиции, как отмечал игумен Даниил, уже существовали различные рассказы о схождении благодатного огня в Великую Субботу: «мнози бо странници неправо глаголють о схождении света святого; инь бо глаголет, яко Святыи Духъ голубемъ сходитъ к Гробу Господню, а друзии глаголють: молнии сходить съ небесе и тако вжигаются кандила надъ Гробомъ Господнимъ. И то есть лжа и не правда»¹². Подробное сказание «О свете небеснемъ, како сходить ко Гробу Господню»¹³, составленное очевидцем и участником чудесного события, призвано было устранить все противоречия и неточности.

Согласно подробному описанию игумена Даниила¹⁴, в Великую Пятницу после вечерни совершалось «помовение» Гроба Господня», во все лампы вливалось масло и устанавливались новые фитили, а в начале ночи храм опечатывался. В том году, когда в Иерусалиме находился игумен Даниил, на Гробе Господнем стояли 3 лампы: 1-я лампа («въ главахъ») — греческая, 2-я лампа («на персехъ») — «святаго Савы и всехъ монастырей», 3-я лампа («въ ногахъ») — поставленная игуменом Даниилом по специальному разрешению латинского короля Балдуина. Кроме того, у Гроба Господня висели и «фрязские кадила».

К середине дня в Великую Субботу (в 6-м часу дня, по свидетельству Даниила) перед церковью Воскресения собралось множество людей. Внутри храма находились священнослужители, ожидавшие прихода латинского короля и крестоносцев. В 7-м часу дня по приглашению короля Балдуина игумен и монахи из монастыря преподобного Саввы Освященного пришли из монастырского подворья в королевскую резиденцию. После взаимного приветствия в церковь Воскресения направилась процессия: впереди шли монахи-савваиты, за ними шел игумен монастыря Саввы Освященного, рядом с которым находился игумен Даниил, далее — король Балдуин, за ним следовали крестоносцы.

Когда процессия подошла к церкви Воскресения, около нее уже собралось множество молящихся и войти внутрь храма удалось только при помощи крестоносцев. Придя в церковь, греческие монахи и священники по повелению Балдуина расположились «надъ гробомъ» (то есть в верхних катехуменах, которые игумен Даниил называл «полатами»¹⁵), сам же Балдуин взошел на царское место, а «въ велицемъ олтари» заняли свои места латинские священнослужители. Игумен Даниил находился в верхних катехуменах вместе с греческими монахами и стоял, по его словам, «высоко надъ самыми дверми гробными, противу великому олтарю, яко дозрети ми лзе бяше въ двери гробныя», что позволяло ему хорошо видеть все происходившее около Гроба Господня.

Вечернее богослужение в церкви Воскресения началось в 8-м часу дня и в тот день совершалось по двум обрядам. В алтаре совершалось богослужение по латинскому обряду, которое возглавлял латинский епископ и в котором принимал участие король Балдуин, так как господствующее положение в церкви Воскресения занимало латинское духовенство. «На гробе горе», то есть в верхних катехуменах совершалось богослужение по византийскому обряду, которое возглавлял игумен монастыря Саввы Освященного и в котором принимали участие «попове правовернии, и черноризци, и вси духовнии мужи, и пустинници мнози». Следует отметить, что среди участников богослужения не упоминается Иерусалимский Патриарх или какой-либо православный епископ¹⁶.

Подробности богослужения, которое совершали монахи-савваиты, неизвестны. Игумен Даниил кратко упоминает о пении в начале вечерни (вероятно, обычные псалмы вечерни и стихиры на *Господи воззвах*) и чтении паремий. На первом чтении латинский епископ и сопровождавший его диакон вышли из алтаря и подошли к дверям, ведущим ко Гробу Господню, ожидая увидеть возжегшиеся лампы. В начале чтения шестой паремии (Исх. 13, 20 — 14, 31) епископ и диакон еще раз подошли ко входу в пещеру Гроба Господня и опять ничего не увидели. В 9-м часу дня, то есть через час после начала вечерни, запели «песнь проходную *Господеву поим*» (то есть Исх. 15, 1—19 или 1-я библейская песнь, которая в данном случае завершала 6-е чтение). Неожиданно появилась туча, прошел небольшой дождь, «и тогда внезапно восиа светъ святыи во гробе святемъ, изиде блистание страшно и светло изъ Гроба Господня святаго».

После появления света в пещере Гроба Господня, латинский епископ с четырьмя диаконами пришел из алтаря и открыл запечатанную дверь. Войдя внутрь пещеры, он зажег свечу «отъ света святаго», которую ранее взял у короля Балдуина. Вернувшись, епископ передал свечу Балдуину, который встал на царском месте, держа свечу «съ радостию великою». Именно от этой свечи, которую зажег у Гроба Господня латинский епископ и затем передал королю Балдуину, были зажжены все остальные свечи.

Держа в руках зажженные свечи, православные участники богослужения возвратились в свои храмы, из которых они пришли к церкви Воскресения. От свеч, принесенных от Гроба Господня, в этих храмах были зажжены лампы, после чего завершалась вечерня, за которой следовала Литургия Великой Субботы. В церкви же Воскресения остались немногочисленные священники для завершения богослужения («въ велицей церкви у Гроба Господня сами попове едины, без людей, канчивают пение»). Сам игумен Даниил, неся горящую свечу, вернулся на подворье монастыря Саввы Освященного.

Из повествования игумена Даниила следует, что зажжение «святого огня» совершал у Гроба Господня латинский епископ, к которому после взятия Иерусалима в 1099 году перешло право совершения этого чинопоследования¹⁷. Церковь Воскресения была центром православного богослужения только в первой части вечерни (до 7-й паремии), так как после зажжения огня православные возвратились в свои храмы. Более того, богослужение, описанное игуменом Даниилом, было единственной службой по двум обрядам — восточному и западному, которая совершалась в начале XII столетия у Гроба Господня в Великую Субботу. На пасхальной утрени и Литургии игумен Даниил, вместе с другими участниками богослужения в церкви Воскресения, молился на подворье монастыря Саввы Освященного, а в самой церкви Воскресения, где пасхальное богослужение совершалось по западному обряду, монахи-савваиты совершили лишь небольшую литию после утрени¹⁸.

Представляется, что приглашение греческих монахов для участия в богослужении Великой Субботы в храме Воскресения не было случайным. По свидетельству Фульхерия Шартрского, который был участником I Крестового похода и священником короля Балдуина I, попытка получения благодатного огня в Великую Субботу 1101 года, когда в церкви Воскресения богослужение совершалось только по западному обряду, закончилась для ее участников неудачно. Несмотря на наличие параллельных чтений на греческом языке, усердное моление латинского патриарха и многократное *Кирие элейсон* согласно "древнему обычаю", благодатный огонь обретен не был, что стало причиной глубокой скорби для всех присутствовавших. Только в пасхальное утро, после совершения у Гроба Господня молитв православными греками и сирийцами, зажегся огонь в одной из лампад, от которого и зажег свою свечу возрадовавшийся латинский патриарх, распорядившийся ключами от пещеры Гроба Господня¹⁹.

Из повествования Фульхерия Шартрского следует, что латинскому духовенству было известно о существовании некоего «древнего обычая» (*mos priscus*), регламентировавшего возжигание огня, попытка воспроизведения которого в 1101 году не привела к ожидаемым последствиям. Этот неудачный опыт латинского духовенства указывает на существование определенной связи между возжиганием огня у Гроба Господня и участием в богослужении православных греков, что, вероятно, определило приглашение монахов-савваитов для участия в вечерне Великой Субботы, вместе с которыми пришел и игумен Даниил.

В изложении различных версий богословского и исторического обоснования неудачной попытки совершения возжжения огня в Великую Субботу 1101 года, приведенном Фульхерием Шартрским, отмечается и особая значимость схождения небесного огня в период мусульманского господства в Иерусалиме: «в прежние годы (до 1099 года. — *А. П.*), при малочисленности здешних христиан, то есть греков и сирийцев, было необходимо, чтобы этот огонь сходил по обыкновению ежегодно; иначе, если бы в каком-нибудь году он не сошел, то язычники, наблюдавшие и следившие за этим, немедленно умертвили бы всех <...>. Теперь же мы (латиняне. — *А. П.*) являемся здесь преемниками, если можно так выразиться, того самого огня, потому что, при помощи Божией, мы защищаем от язычников как найденных здесь христиан, так, вместе с ними, самих себя; и если бы Бог видимым образом не утешал их, то мы не нашли бы здесь ни одного из них»²⁰. Это замечание Фульхерия Шартрского, в котором подчеркивается пристальное внимание мусульман к возжжению огня в Великую Субботу, позволяет согласовать сведения о «древнем обычае» из греческих источников, с одной стороны, и источников арабских (мусульманских), наиболее полная подборка которых составлена русским востоковедом И. Ю. Крачковским²¹, — с другой.

Первое в арабских источниках упоминание о схождении благодатного огня относится к IX столетию и встречается в «Книге животных» аль-Джахиза (умер в 869 году), в которую входит раздел о различных огнях:

«Хранители храмов не переставали устраивать для народа различные хитрости, вроде хитрости монахов со светильниками церкви Воскресения в Иерусалиме (утверждающих), что масло в лампадах зажигается у них без огня ночью в один праздник»²².

Это краткое упоминание относится к тому же периоду, что и первое известное христианское свидетельство о возжжении огня в Великую Субботу, входящее в состав описания паломничества в Иерусалим монаха Бернарда (около 870 года):

«В Святую Субботу, которая есть канун Пасхи, служба начинается рано в этой церкви (в Анастасисе — *А. П.*); и по совершении службы поется *Господи помилуй* до тех пор, пока с пришествием ангела возжигается свет в лампадах, висящих над вышеупомянутым Гробом; этот свет Патриарх дает епископам и остальному народу, который им освящает себя и каждый свой дом»²³.

В X веке были составлены более подробные описания празднования Великой Субботы в Иерусалиме. Так, в книге известного арабского юриста Ахмеда ибн аль-Касса (умер в 936 году) «Признаки киблы» содержится рассказ, согласно которому в этот день в церкви Воскресения присутствовали эмир города и имам мечети:

«В день Великой Субботы люди выходят из места гроба к скале, вокруг которой хоры; (с них) они смотрят на место гроба, все молятся и преклоняются пред Богом всевышним со времени ранней молитвы до захода солнца. Присутствует эмир и имам мечети. Правитель запирает дверь к гробу и садится у нее. Они все так остаются, пока не увидят свет, похожий на белый огонь, выходящий из внутренностей гроба. Правитель открывает тогда дверь гроба и входит туда. В руках его свеча, которую он зажигает от этого огня, а затем выносит. <...> Он отдает ее имаму, тот несет эту свечу и зажигает лампады мечети. <...> Донесение об этом пишет правителю, сообщая, что огонь спустился в такое время такого-то дня. Когда он сошел во время утренней молитвы, это служит у них приметой, что год не будет плодороден, но и не засушлив; если же сошел во время полдня, это указывает на год неурожайный»²⁴.

К середине X столетия относится свидетельство аль-Масуди (умер в 957 году), который также отмечает особое внимание мусульман к празднованию Великой Субботы, однако ошибочно относит схождение благодатного огня к 1 октября (sic!):

«Пятого числа тишрана первого праздник церкви Воскресения в Иерусалиме. В этот праздник собираются христиане со всей земли, у них сходит огонь с неба и зажигаются от него свечи. Собирается также много мусульман посмотреть на этот праздник. <...> С этим огнем связана тонкая хитрость и великая тайна»²⁵.

Сведения Ахмеда ибн аль-Касса и аль-Масуди не противоречат христианским свидетельствам X века, первым из которых является письмо Арефы, митрополита Кесарии Каппадокийской, к эмиру Дамаска (начало X столетия):

«Да и доныне чудодействует каждый год в день Его (Христа) Воскресения Святой и Честной Гроб Его. Погасив всякий огонь в Иерусалиме, где находится Святый Гроб Его, христиане готовят кандила. <...> Эмир Иерусалима стоит около Святого Гроба при запечатанном им же самим входе, а христиане стоят вне храма Святого Воскресения и восклицают *Господи помилуй*. Тогда внезапно является молния и кандила возжигаются; от этого света берут все обитатели Иерусалима и зажигают огонь»²⁶.

Второе свидетельство принадлежит Никите, клирику византийского императора Константина VII Порфирородного, который в 947 году был послан по императорскому указанию к иерусалимскому архиепископу Христодулу. Из подробного повествования клирика Никиты следует, что в 947 году некий эмир (из эмиров Багдада) хотел запретить совершение богослужения Великой Субботы в церкви Воскресения, так как ежегодное возжжение благодатного огня способствовало не только сохранению, но и распространению христианской веры в период мусульманского господства. Иерусалимский архиепископ Христодул был приведен в Преторию, где багдадский эмир сообщил ему: «Не позволено тебе, архиепископ, сегодня совершать праздник. <...> Ведь ты, делая это пресловутое чудо волшебным художеством, наполнил всю Сирию верою христианскою и, испровергая наши нравы, едва не обратил (эту землю) в Романию (византийскую территорию)». Однако секретари местного эмира, которые были православными, стали убеждать эмира из Багдада отказаться от столь решительных действий, приводя в качестве основного аргумента собираемость налогов и угрожая донесением вышестоящему начальству: «Не хорошо ты делаешь, что препятствуешь архиепископу совершать праздник по его обычаю: ибо как привести в исполнение сбор тяжких казенных налогов, если не позволено ему совершать установленных праздников? Ведь если ты будешь настаивать на этом намерении, то мы имеем доложить о том первому советнику Сирии и ты навлечешь на себя немалый гнев». После некоторых раздумий эмир разрешил совершение богослужения при условии внесения значительной суммы денег.

Во время проходивших в Претории переговоров эмира и иерусалимского архиепископа чудесно зажглись две лампы на одном почитаемом месте около церкви Воскресения («где, говорят, было омыто честное Тело Господа и Бога нашего по снятию со Креста»). Получив известие об этом событии, все участники переговоров, православные и мусульмане, сразу же отправились из Претории к церкви Воскресения. Придя ко Гробу Господню, архиепископ Христодул и «поганые агаряне» заперли Божественный Гроб, после чего архиерей начал моление. В это время эмир находился наверху (в катехуменах) и, держа в руках сверкающий ятаган, наблюдал за происходящим в храме. Наконец, около 6 часов дня архиепископ увидел «Божественное светоявление»²⁷.

К началу XI столетия относится наиболее полное арабское описание празднования Великой Субботы, содержащее подробные сведения о роли представителей мусульманских властей и духовенства. Составителем его является известный арабский ученый-энциклопедист Абу Рейхан аль-Бируни (972/973 — 1048):

«В середине церкви Воскресения в Иерусалиме (находится) Гроб Христа, высеченный в одной (сплошной) скале со сводом; над гробом купол, поверх которого воз-

вышается другой, большой; вокруг скалы — хоры, на которых помещаются мусульмане, христиане и все, кто приходит к месту гроба в этот день, преклоняясь пред Богом и молясь ему от полдня до вечера. Приходит му'аззин соборной мечети, имам и эмир города. Они садятся у Гроба, приносят лампы, которые ставят на Гроб. А он бывает закрыт: христиане до этого тушат свои светильники и лампы и остаются так, пока не увидят, что чистый белый огонь зажег лампаду. От нее зажигают лампы в соборной мечети и в церквах, а затем пишат в столицу халифата о времени нисхождения огня. По быстроте нисхождения и близости его к полдню заключают об урожае в этот год, по запаздыванию до вечера и удалению (от полдня) — о неурожае»²⁸.

Внимание арабских авторов XII–XIII веков, то есть периода Крестовых походов и Иерусалимского королевства, было сосредоточено на попытках рационального объяснения чудесного события, ежегодно совершавшегося в Великую Субботу. Первый рассказ этого типа принадлежит Ибн-аль-Каланиси (умер в 1162 году); а в книге аль-Джаубари (умер в 1242 году), посвященной объяснению различных тайн и фокусов, находится описание, озаглавленное «Хитрость монахов при зажигании огня в церкви Воскресения», содержащее любопытные подробности. Эти два сообщения объединяет упоминание о масле бальзамового дерева, которое, по мнению составителей, служило для передачи огня от некоего внешнего источника. В других сообщениях, относящихся к этому же периоду — например, в рассказах Ибн-аль-Джаузи (умер в 1256 году) и Йакута (умер в 1299 году), — также высказывается предположение о наличии скрытого источника огня, от которого зажигаются и свечи, и лампы²⁹.

Итак, все рассмотренные свидетельства IX–XI веков, арабские и греческие, отмечают как присутствие в храме Воскресения мусульманских властей и духовенства в Великую Субботу, так и участие эмира в запечатывании входа в Гроб Господень, но ни одно из этих свидетельств не содержит подробностей совершавшегося в этот день богослужения, кроме упоминаний о пении *Господи помилуй*.

Единственное описание богослужения Великой Субботы находится в Святогробском Типиконе 1122 года³⁰, оригинал которого отражал литургическую практику первой половины X столетия³¹, то есть времени посещения Иерусалима императорским клириком Никитой. Согласно этому Типикону, в Великую Субботу после окончания утрени, на которой читалось Евангелие о положении печати (Мф. 27, 62–66), у Гроба Господня совершалось особое приготовление кандил (ламп), возжигавшихся на вечерне. Во время приготовления лампад, происходившего в присутствии Патриарха, архидиакона, второго священника и диаконов, пелись часы. После окончания приготовления лампад и отпуста Патриарх закрывал Святой Гроб. В церкви Воскресения гасились все лампы, однако из текста Святогробского Типикона не следует, что были погашены и лампы, постоянно горевшие у Гроба Господня.

В 9-й час дня начиналась вечерня, и Патриарх вместе с клиром входил в храм Воскресения (Анастасис), без свеч и кадил. На вечерне, как обычно, пелся предначинательный псалом, *Господи воззвах* со стихирами Октоиха 1-го гласа (3 стихир воскресные и 6 стихир восточных) и догматиком *Всемирную славу* на *Слава, и ныне*, то есть совершалась воскресная служба 1-го гласа³². Упоминания о самогласных стихирах 8-го гласа *Днесь ад стена вопиет* и особой стихире на *Славу* появляются только в сравнительно поздних Мессинском³³ и Евергетидском³⁴ Типиконах. Далее следовали: вход, *Свете тихий*, великий прокимен *Господь воцарися* и начинались ветхозаветные чтения, набор и последовательность которых во многом совпадали с современными чтениями (1: Быт. 1, 1–13; 2: Ис. 60, 1–16; 3: Исх. 12, 1–11; 4: Иона 1, 1–4, 11; 5: Нав. 5, 1–15; 6: Исх. 13, 20–15, 19; 7: Соф. 3, 8–15; 8: 3 Цар. 17, 8–23; 9: Ис. 61,

10 — 62, 5; 10: Быт. 22, 1—18; 11: Ис. 61, 1—9; 12: 4 Цар. 4, 8—37; 13: Ис. 63, 11 — 64, 5; 14: Иер. 31, 31—34; 15: Дан. 3, 1—88)³⁵. Стихи заключительной части 6-й паремии (1-я библейская песнь *Поим Господеву*, Быт. 15, 1—19) пелись отдельной группой певцов, а два хора пели припевы. Затем читались остальные паремии и на последнем чтении (Дан. 3, 1—88) исполнялась респонсорно *Песнь трех отроков* (8-я библейская песнь, Дан. 3, 57—88), подобно бывшему ранее пению *Поим Господеву*.

После окончания ветхозаветных чтений Патриарх совершал каждение Святого Гроба извне, так как он был запечатан, затем — каждение храма Воскресения (Анастасиса), после чего совершалось каждение в храме на Голгофе и в Мартириуме. По возвращении в Анастасис следовали особые моления Патриарха в алтаре и перед алтарем при всеобщем пении *Господи помилуй*, которые можно соотнести с сугубой ектенией. Затем Патриарх, а также сопровождающие его входили внутрь Святого Гроба, и там Патриарх совершал особое «возжигание от святого света» (*aptei ek tou hagiou fotos*), и передавал этот огонь архидиакону, а архидиакон — народу. После зажигания огня Патриарх, архидиакон и бывшие с ними у Гроба Господня выходили и начиналась лития в Мартириуме (базилику Константина). Во время литии пелись стихиры, посвященные возжиганию света и воспоминаемому событию: «Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия...» (ирмос 9-й песни Пасхального канона) и «Светися, светися, новый Иерусалиме, прииде бо твой свет и слава Господня на тебе возсия; сей дом Отец созда, сей дом Сын утверди, сей дом обнови Дух Святой, просвещающий, утверждающий и освящающий души наша» (ср. ветхозаветное чтение Ис. 60, 1—2).

В Мартириуме вечерня заканчивалась: после *Сподоби Господи* пелись стихиры на вечерней стиховне, посвященные возжиганию света на вечерне и Воскресению Христову: «Свет вечерний возсия сущим во тьме всем, тайно провозвестник Пасхи наступления и восстания, се бо яко спяй из мертвых восстает Господь...»; «Воссия нам всесветлый и честной вечер Христова восстания, просвещающий таинственно ныне мир живых и мертвых...»; «Иерусалим веселися, Сион торжествуй, небеса радуйтесь...». После *Ныне отпущаеши* пелся отпустительный тропарь 1-го гласа *Камени запечатану от иудей* и Патриарх удалялся в баптистерий для совершения крещения³⁶.

Итак, одна из особенностей богослужения Великой Субботы в Святогробской литургической традиции X века состояла в том, что в известном месте вечерни (после чтения пятнадцати паремий и перед литией в Мартириуме, где заканчивалась вечерня) Патриарх совершал «возжигание от святого света». Возжигание было составной частью вечерни Великой Субботы и в Святогробском Типиконе не выделялось в особое чинопоследование. Более того, в этом Типиконе не упоминается о каком-либо ожидании, связанном со схождением небесного огня, а источник огня назван «святым светом», что позволяет соотнести его с одной из неугасимых лампад, горевших у Гроба Господня. С возжиганием огня были связаны песнопения, полный текст которых приведен в Святогробском Типиконе. Однако в этом источнике, по понятным причинам, не было отмечено присутствие эмира и имама, упоминающихся в арабских и греческих свидетельствах X—XI веков.

Сравнение сведений о богослужении Великой Субботы, содержащихся в Святогробском Типиконе (практика середины X века) и в повествовании игумена Даниила (начало XII века), а также сведений о возжигании «святого света», содержащихся в этих памятниках, показывает, что русский паломник принимал участие в богослужении Великой Субботы, во многом отличном от известного по Святогробскому Типикону:

а) центральным моментом богослужения, согласно описанию игумена Даниила, было возжжение огня в лампадах, стоящих внутри Гроба Господня, от которого зажигались свечи;

б) возжжение огня, согласно описанию игумена Даниила, совершалось после первых шести паремий, а не после окончания всех пятнадцати чтений, как было ранее, то есть оно сместилось к началу вечерни;

в) пение стихир «Светися, светися», связанных с возжжением огня, не упоминается игуменом Даниилом;

г) окончание вечерни и Литургия Великой Субботы совершались в различных монастырях и храмах, куда православные возвращались со свечами, зажженными у Гроба Господня (игумен Даниил вернулся на подворье монастыря Саввы Освященного), а не в Мартириуме, который так и не был восстановлен после разрушения в начале XI века;

д) богослужение «в велицеъм олтари» церкви Воскресения совершалось латинским епископом в сослужении латинского духовенства; «возжжение от святого света» также совершалось латинским епископом. Таким образом, в описании игумена Даниила место «нечестивых агарян», приходивших в церковь Воскресения в X–XI веках и тщательно следивших за возжжением огня, заняло латинское духовенство. Православные были изгнаны из церкви Воскресения и приглашались для совершения богослужения только в Великую Субботу (вероятно, после того, как в 1101 году лампы не зажглись). Следовательно, возжжение огня в лампадах у Гроба Господня находилось в определенной зависимости от присутствия монахов-савваитов в храме Воскресения в Великую Субботу, на что обращают внимание некоторые из упомянутых выше арабских источников³⁷;

е) неоднократные выходы латинского епископа из алтаря для осведомления о зажжении лампад у Гроба Господня свидетельствуют о том, что время появления огня и возжжения лампад не было известно латинскому духовенству (которое совершало богослужение в главном алтаре церкви Воскресения в начале XII века), в отличие от составителя Святогробского Типикона, однозначно указывавшего на возжжение после ветхозаветных чтений и на порядок его совершения.

Для определения времени формирования богослужения Великой Субботы, в которое входило особое возжжение огня, совершавшееся *после* ветхозаветных чтений, следует обратиться к различным литургическим и нелитургическим источникам, упоминающим о возжжении огня.

Первое христианское свидетельство монаха Бернарда (около 870 года) и первое мусульманское свидетельство Ал-Джахиза (умер в 869 году) позволяют рассматривать середину IX столетия как *terminus ante quem* для формирования богослужения Великой Субботы, известного по Святогробскому Типикону.

Terminus post quem определяется на основании датировок литургических источников иерусалимской традиции, содержащих сведения о богослужении Великой Субботы, которое *не совпадает* с известным по Святогробскому Типикону. Этими источниками являются Иерусалимские лекционарии (сборники ветхозаветных и новозаветных чтений, расположенных в порядке использования на богослужениях, с литургическими указаниями), сохранившиеся в армянской³⁸ и грузинской версиях³⁹.

Формирование армянской версии Иерусалимского лекционария относится к первой половине V столетия⁴⁰. Согласно этой версии, вечером в Великую Субботу в церкви Воскресения (Анастасисе) епископ совершал особое последование, назван-

ное в одном из списков лекционария «последованием светов». В «последование светов» входило пение 112-го псалма с антифоном «Буди имя Господне благословенно отныне и до века» и зажжение светильников епископом, затем диаконами, а потом всем собранием⁴¹. После этого последования совершалось пасхальное бдение в Мартириуме, начинавшееся с зажжения светильника. Основу бдения составляли 12 ветхозаветных чтений (1: Быт. 1, 1 – 3, 24; 2: Быт. 22, 1–18; 3: Исх. 12, 1–24; 4: Иона 1, 1 – 4, 11; 5: Исх. 14, 24 – 15, 21; 6: Ис. 60, 1–13; 7: Иов. 38, 2–28; 8: 4 Цар. 2, 1–22; 9: Иер. 38, 31–34; 10: Нав. 1, 1–9; 11: Иез. 37, 1–14; 12: Дан. 3, 1–90), каждое из которых сопровождалось коленопреклонением и молитвой. Состав и последовательность ветхозаветных чтений существенно отличались от упоминавшихся в Святогробском Типиконе, а на шестом чтении («Светися, светися, Иерусалиме, прииде бо твой свет...», Ис. 60, 1–13) отмечено пение особого рефрена, тематически связанного как с чтением, так и с совершенным ранее возжиганием светильника – «Вот пришел Царь славы, свет, просвещающий все творения»⁴².

Возжигание светильников в церкви Воскресения, предшествующее совершению пасхального бдения в Мартириуме, было обусловлено особой традицией совершения вечернего богослужения в Иерусалиме. Согласно армянской версии Иерусалимского лекционария и описанию паломницы Эгерии (381–384 годы), иерусалимский епископ почти всегда совершал вечерню в церкви Воскресения (с исключениями для Страстной седмицы, когда вечерня совершалась в Мартириуме, что было связано с большим числом молящихся; и праздника Пятидесятницы, когда вечерня совершалась в храме на Елеонской горе). Возжигание светильника на вечерне в церкви Воскресения имело, по свидетельству Эгерии, характерную особенность: «огонь не приносится извне, но подается из внутренности пещеры, где денно и ночью горит неугасимая лампада»⁴³. Следовательно, источником огня для возжигания светильника на вечернем богослужении в церкви Воскресения, в том числе и в «последовании светов» в Великую Субботу (то есть перед пасхальным бдением), была неугасимая лампада на Гробе Господнем. Значит, уже в конце IV столетия существовала определенная связь между огнем светильника на пасхальном бдении и Гробом Господним.

Описание вечернего богослужения Великой Субботы, содержащееся в грузинской версии Иерусалимского лекционария, отражает литургическую традицию, сформировавшуюся на Святых Местах к VIII столетию⁴⁴. Согласно грузинской версии Иерусалимского лекционария, вечером в Великую Субботу епископ, священники и диаконы входили в церковь Воскресения и закрывали за собою двери (!). Внутри церкви совершалось троекратное обхождение храма (то есть хождение вокруг Гроба Господня) с каждением и пением псалмов, среди которых был и 112-й псалом, упоминавшийся в армянской версии Иерусалимского лекционария. После ектении и коленопреклоненных молитв у входа в алтарь епископ воздавал лобзание священникам и диаконам, находящимся в храме, и совершал *благословение новой свечи*, после чего зажигались лампы. Затем следовало пение постоянного вечернего псалма (*Господи воззвах*), на котором пелась стихира 8-го гласа «Светися, светися, Иерусалиме», далее — *Свете тихий* (или, более точно, «радостный свет»⁴⁵) и 12 чтений с псалмами, молитвами и коленопреклонениями (1: Быт. 1, 1 – 3, 24; 2: Быт. 22, 1–19; 3: Исх. 12, 1–42; 4: Иона 1, 1 – 4, 11; 5: Исх. 14, 24 – 15, 21; 6: Ис. 60, 1–13; 7: Иов. 38, 2 – 39, 35; 8: 4 Цар. 2, 1–14; 9: Иер. 38, 31–34; 10: Нав. 1, 1–9; 11: Иез. 37, 1–14; 12: Дан. 3, 1–97), близкие к чтениям армянской версии Иерусалимского лекционария⁴⁶.

Структура вечернего богослужения Великой Субботы в грузинской версии Иерусалимского лекционария более сложная, чем в армянской версии. Здесь краткое «последование светов» (или возжигание светильников перед пасхальным бдением) превратилось в сложное чинопоследование, совершавшееся епископом и священниками за закрытыми дверями церкви Воскресения, во время которого происходило благословение новой (пасхальной) свечи и зажжение свеч и светильников. В самом богослужении вечерни появляются новые гимнографические элементы, тематически связанные с возжиганием светильников и свеч: стихира 8-го гласа «Светися, светися, Иерусалиме», связанная с 6-м ветхозаветным чтением (рефрен «Вот пришел Царь славы, свет, просвещающий все творения», указанный в армянской версии, отсутствует) и вечернее песнопение *Свете тихий*⁴⁷.

Итак, одной из характерных особенностей Иерусалимского богослужения IV–VII столетий были совершавшиеся перед вечерней Великой Субботы возжигание светильника (в начале V века) или же благословение новой свечи (в VII веке), которые восходили к древнему христианскому обычаю возжигания светильника на вечерне⁴⁸. Поскольку в литургической традиции храма Воскресения в Иерусалиме возжигание светильника на вечернем собрании совершалось от неугасимой лампы, горевшей у Гроба Господня, то в данном случае светильник (или же источник света для светильника) не вносился в собрание извне, а износился из пещеры Гроба Господня, что определило появление в Восточной Церкви обрядов изнесения из алтаря как свечи (светильника) на вечернем входе, так и свечи (светильника) с престола на Литургии Преждеосвященных Даров⁴⁹.

Еще одной характерной особенностью богослужения Великой Субботы в Иерусалимской традиции V–VII веков было наличие двенадцати, а не пятнадцати ветхозаветных чтений с молитвами и коленопреклонениями, а также псалмопением (в грузинской версии Иерусалимского лекционария) на каждом чтении.

Рассматриваемая структура пасхального бдения была характерна не только для иерусалимской литургической традиции. Сходная структура имеется и в латинском обряде, где в состав пасхального бдения входят благословение пасхальной свечи, двенадцать ветхозаветных чтений с коленопреклонениями и молитвами⁵⁰. Древнейшие западные свидетельства о молитве, связанной с благословением свечи (*laus cerei*) в Великую Субботу относятся к IV столетию: это Послание Иеронима Стридонского к Пресидию, диакону из города Пьяченца, содержащее критические замечания относительно практики совершения этого молитвословия диаконом⁵¹, а также несколько строк из *laus cerei* блаженного Августина⁵². Совпадение структуры пасхального бдения в восточной и западной традициях подтверждается также замечанием Эгерии о богослужении Великой Субботы: «пасхальное же бдение совершается так же, как и у нас»⁵³. Следовательно, в конце IV столетия на Востоке и на Западе пасхальное бдение имело одинаковую структуру, одним из элементов которой было возжигание светильника (свечи), сопровождавшееся особым молитвословием⁵⁴.

Поскольку еще в VII веке возжигание светильника на пасхальном бдении совершалось в Иерусалиме перед началом вечерни, то VII столетие есть *terminus post quem* для формирования такого богослужения Великой Субботы, в состав которого входило особое возжигание огня после пятнадцати ветхозаветных чтений. Следовательно, формирование богослужения Великой Субботы, описанного в Святогробском Типиконе, происходило в VIII – первой половине IX столетия. Эта датировка не противоречит имеющимся данным о развитии константинопольской системы ветхозаветных чтений, которой принадлежат пятнадцать чтений на вечерне Великой Субботы,

отмеченные в Святогробском Типиконе. Эта лекционная система, во многом отличающаяся от иерусалимской, образовалась не ранее 630 года⁵⁵, а формирование Профитология (лекционария, содержащего ветхозаветные чтения согласно константинопольской системе) происходило в Константинополе в начале VIII столетия⁵⁶.

Итак, в VIII – первой половине IX века в Святогробской литургической традиции произошла богослужебная реформа, следствием которой стали следующие изменения в богослужении Великой Субботы:

а) двенадцать ветхозаветных чтений Иерусалимского лекционария были заменены на пятнадцать чтений константинопольского происхождения;

б) появились новые элементы в структуре вечерни, происходящие из монашеского богослужения: предначинательный псалом, субботний прокимен *Господь воцарися*, вечерняя стиховна;

в) появились новые гимнографические элементы, также восходящие к монашескому богослужению: стихиры на *Господи воззвах*, стихиры на стиховне, стихиры на литии из Анастасиса в Мартириум.

Отмеченное изменение состава ветхозаветных чтений произошло в результате константинопольского влияния, а появление новых составляющих в структуре вечерни, а также новых гимнографических элементов (стихиры на *Господи воззвах*, на стиховне, на литии) произошло под влиянием палестинского монашеского богослужения (Иерусалимского савваитского Типикона). Тем не менее, в Святогробском богослужении вечерня Великой Субботы совершалась полностью, в отличие от савваитской традиции, известной по типиконам XI–XII веков, где Литургия Великой Субботы начиналась после чтения паремий (то есть оставлялись лития, *Сподоби Господи*, вечерняя стиховна, *Ныне отпуцаеши*, отпустительный тропарь)⁵⁷.

Вместе с появлением новых элементов в богослужении Великой Субботы изменилось и чинопоследование возжигания светильников и свеч. Если до литургической реформы, то есть до VIII века, светильники зажигались перед началом вечерни от неугасимых лампад на Гробе Господнем, то после реформы (с середины IX века) возжигание свеч совершалось после чтения паремий и особых молений Патриарха *о людских невежествах* со всеобщим пением *Господи помилуй* (см. Табл. I). Вслед за изменениями в богослужении стала меняться и интерпретация возжигания светильника. Если в стихирах на вечерней стиховне Великой Субботы из Святогробского Типикона возжигание светильника прообразовало Воскресение Христово, то в восприятии верующих, собиравшихся у церкви Воскресения в этот день, одним из наиболее значимых элементов богослужения стало слезное моление Патриарха *о людских невежествах*, которое сопровождалось всеобщим взыванием *Господи помилуй* и предшествовало возжжению огня. Заметим, что продолжительное пение *Господи помилуй*, связанное с возжиганием огня, упоминается во всех христианских свидетельствах — у монаха Бернарда (870 год), в послании Арефы (начало X века), в рассказе клирика Никиты (947 год), в повествованиях Фульхерия Шартрского (1101 год) и игумена Даниила (1106/1107 годы).

В начале XII столетия покаянный аспект становится определяющим для интерпретации возжигания свеч в Великую Субботу. Как для Фульхерия Шартрского⁵⁸, так и для игумена Даниила сходжение огня находилось в прямой зависимости от грешений и раскаяния тех, кто приходил в Великую Субботу ко Гробу Господню: «И ти людие вси въ церкви и вне церкви иног не глаголют ничтоже, но токмо *Господи помилуй* зовут неослабно, и вопиють сильно, яко тутнати и гремети всему месту тому от вопля людей техъ. И ту источници слезамъ проливаются отъ верныхъ людей.

Аще бо кто окаменено сердце имать, но тогда может прослезити. Всякъ бо человекъ зазреть въ себе тогда и поминаеть грехи своя, и глаголетъ в себе всякъ человекъ: еда моихъ дея греховъ не снидеть светъ святой?»⁵⁹

Литургическая реформа, с которой связаны изменения в богослужении Великой Субботы в Иерусалиме, была следствием большой литургической реформы византийского, и прежде всего константинопольского, богослужения в VIII – первой половине IX века. Наиболее известными элементами этой литургической реформы, традиционно рассматриваемой в связи с противостоянием иконоборчеству, было появление протесиса (специального приготовления даров до начала Литургии) и нового типа литургической экзегезы («Церковная история» Патриарха Германа, около 730 года), где Литургия рассматривалась прежде всего как символическое изображение земной жизни Спасителя и основных этапов истории спасения⁶⁰. В палестинском монашеском богослужении константинопольские нововведения были приняты вскоре после их появления⁶¹, а через монашеское богослужение эти нововведения проникли и в иерусалимский кафедральный обряд (Святогробскую традицию), о чем свидетельствуют зафиксированные в Святогробском Типиконе элементы монашеского богослужения и гимнографии монашеского происхождения, с одной стороны, и константинопольская лекционная система – с другой.

Однако все изменения в совершении вечерни Великой Субботы и, соответственно, изменения в интерпретации возжигания светильников и свеч невозможно объяснить одним лишь влиянием богослужебной традиции палестинских монастырей. Рассматриваемые литургические преобразования в Святогробском богослужении совпали со временем мусульманского господства в Иерусалиме, и это обстоятельство наложило особый отпечаток на ежегодно совершавшееся «возжжение от святого света», так как, с одной стороны, известно пристальное внимание, с которым представители мусульманских властей и духовенства следили за чудесным событием (выше были рассмотрены арабские свидетельства о том, что правитель города (эмир) открывал дверь, ведущую ко Гробу Господню, и зажигал свечу, от которой имам зажигал свечи в городской мечети; эмир посылал донесение в халифат о совершившемся событии, а все жители Иерусалима зажигали от этого огня светильники в своих домах). С другой стороны, христианская община воспринимала возжжение благодатного огня как небесную защиту от «нечестивых агарян»⁶².

Со временем «торжество освящения огня» на Гробе Господнем превратилось в самостоятельное последование, совершаемое в Великую Субботу предстоятелем Иерусалимской Церкви при большом стечении молящихся⁶³, а память о прежнем богослужении сохранилась лишь в древних богослужебных книгах (Иерусалимские лекционари, Святогробский Типикон) и в описаниях паломников, среди которых почетное место занимает «Хожение игумена Даниила», содержащее повествование «О свете небеснемъ, како сходить ко гробу Господню».

**Основные элементы богослужения, связанного с возжением
свещильников и свечей в Великую Субботу у Гроба Господня в V – XIII вв.**

Иерусалимский лекционарий (армянская версия)	Иерусалимский лекционарий (грузинская версия)	Святогробский Типикон	«О свете небеснемъ, како сходить ко гробу Господню» (игумена Даниила)
	приготовление кандил (после утрени Великой субботы) Начало вечерни (в Анастасисе), в состав которой входят ветхозаветные чтения (15): I-VI (в том числе I библейская песнь, исполняемая певцами), VII-XV, VIII библейская песнь (исполняемая певцами)	приготовление кандил (после вечерни Великой пятницы) Начало вечерни (в Анастасисе), в состав которой входят ветхозаветные чтения I-VI (без пения I библейской песни)	
	моления Патриарха, сопровождаемые пением «Господи, помилуй».	«Кирие элейсон»	
		пение «Господеви поим» (I библейская песнь)	
<u>«последование светов» (в Анастасисе) и последующее зажигание свещильников</u>	<u>благословение новой свечи (в Анастасисе) и последующее зажигание лампад</u>	<u>«возжигание от святого света»</u>	<u>возжжение света и последующее зажигание свеч</u>
	лития в Мартириум с пением стихир «Светися, светися»	возвращение в храмы	
вечерня (в Мартириуме), в состав которой входят 12 ветхозаветных чтений	вечерня (место совершения не уточнено), в состав которой входят 12	завершение вечерни в Мартириуме	завершение богослужения в храмах

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Égérie: Journal de voyage (Itinéraire). Introduction, texte critique, traduction, notes, index et cartes par Pierre Maraval. Paris, 1982 (= Sources Chrétiennes, 296); Помяловский И. В. Паломничество по святым местам (конца IV века). СПб., 1889. (= Православный Палестинский Сборник. Вып. 20).

² Веневитинов М. А. Житье и хоженье Данила, Русьской земли игумена (1106–1107 гг.). СПб., 1885. (= Православный Палестинский Сборник. Вып. 3, 9).

³ Творогов О. В. Даниил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI–первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 109–112.

⁴ Попов А. Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, списание Нестора (по харатейному списку Московского Успенского собора) // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском Университете. М., 1879. Кн. 1. Л. 16.

⁵ Веневитинов М. А. Житье и хоженье Данила... С. 136.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы (XI–XV вв.). М., 1976. С. 16, 19, 21, 24, 33, 40.

⁸ Стерлигова И. А. Иерусалимы как литургические сосуды в Древней Руси // Иерусалим в русской культуре / Сост. А. Баталов, А. Лидов. М., 1994. С. 46–58.

⁹ Coüasnon Ch. The Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem. L., 1974. P. 19–20, 54–57, Pl. IX, XIX.

¹⁰ Веневитинов М. А. Житье и хоженье Данила... С. 16.

¹¹ Coüasnon Ch. The Church of the Holy Sepulchre... P. 57–62, Pl. X.

¹² Веневитинов М. А. Житье и хоженье Данила... С. 126.

¹³ Там же. С. 126–140.

¹⁴ Там же. С. 127–136.

¹⁵ Веневитинов М. А. Житье и хоженье Данила... С. 19; Bertoniere G. The Historical Development of the Easter Vigil and Related Services in the Greek Church. Roma, 1972. P. 19, note 48 (=Orientalia Christiana Analecta, 193). Подробнее о катехуменах см.: Ruggieri V. Katéchoumenon: uno spazio sociale // EYLOGHMA. Studies in honor of Robert Taft, S. J. Roma, 1993. P. 389–402.

¹⁶ Иерусалимский Патриарх Симеон II скончался еще в 1098 году. Подробнее о положении Иерусалимского Патриарха в период латинского господства см.: Дмитриевский А. А. Древнейшие патриаршие Типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой Константинопольской Церкви. Киев, 1907. С. 93, Прим. 1; С. 101.

¹⁷ На это обстоятельство обратил внимание А. А. Дмитриевский (Дмитриевский А. А. Древнейшие патриаршие Типиконы... С. 98–99, 101).

¹⁸ Веневитинов М. А. Житье и хоженье Данила... С. 137.

¹⁹ Дмитриевский А. А. Древнейшие патриаршие Типиконы... С. 93–98.

²⁰ Там же. С. 96.

²¹ Крачковский И. Ю. «Благодатный огонь» по рассказу ал-Бируни и других мусульманских писателей X–XIII веков // Христианский Восток. СПб., 1915, Т. III. Вып. 3. С. 225–242.

²² Крачковский И. Ю. «Благодатный огонь»... С. 231.

²³ Пападопуло-Керамевс А. И. Рассказ Никиты, клирика царского. Послание к императору Константину VII Порфирородному о Святом огне, писанное в 947 году. СПб., 1894. С. 1 (= Православный Палестинский Сборник. Том III, вып. 2).

²⁴ Крачковский И. Ю. «Благодатный огонь»... С. 231–232.

²⁵ Там же. С. 233–234.

²⁶ Пападопуло-Керамевс А. И. Рассказ Никиты, клирика царского... С. II.

²⁷ Там же. С. 8–11.

²⁸ Крачковский И. Ю. «Благодатный огонь»... С. 228–229.

²⁹ Там же. С. 235–238.

³⁰ Дмитриевский А. А. Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц во святом Иерусалиме IX–X веков. Казань, 1894; Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Α. Τυπικὸν τῆς ἐν Ἱεροσολύμοις ἐκκλησίας. St. Petersburg, 1894, σ. 1-254 (= 'Ανάλεκτα Ἱεροσολομητικῆς Σταχυολογίας, II).

³¹ Дмитриевский А. А. Древнейшие патриаршие Типиконы... С. 63.

³² О зависимости вечерни Великой Субботы и пасхальной утрени от воскресной службы 1-го гласа свидетельствует наличие четырех воскресных стихир 1-го гласа на *Господи воззвах* (3 воскресных и 1 стиховна из Октоиха, вечерня 1-го гласа) на вечерне Великой Субботы и четырех воскресных стихир 1-го гласа на *Хвалите* (4 воскресных стихир из Октоиха, утренья 1-го гласа).

- ³³ Arranz M. Le typicon du monastère du Saint-Sauveur à Messine. Codex Messinensis gr. 115. Roma, 1969. P. 204 (= Orientalia Christiana Analecta, 185).
- ³⁴ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Киев, 1895. Т. I. Типікѣ. Ч. I. Памятники патриарших Уставов и ктиторские монастырские Типиконы. С. 555.
- ³⁵ Rahlfs A. Die Alttestamentlichen Lektionen der griechischen Kirche // Mittelungen des Septuaginta-Unternehmens der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Heft 5. Berlin 1915, S. 134–136 (= Nachrichten der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse 1915).
- ³⁶ Дмитриевский А. А. Богослужение Страстной и Пасхальной седмиц... С. 171–181; Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Α. Τυπικόν... σ. 179-186.
- ³⁷ Крачковский И. Ю. «Благодатный огонь»... С. 234–238.
- ³⁸ Renoux A. Le codex arménien Jérusalem 121. I. Introduction. Turnhout/Belgique, 1969 (= Patrologia Orientalis, T. XXXV, Fasc. 1, N° 163); II. Édition comparée du texte. Turnhout/Belgique, 1971 (= Patrologia Orientalis, T. XXXVI, Fasc. 2, N° 168).
- ³⁹ Tarchnischvili M. Le grand lectionnaire de l'Église de Jérusalem (V-e – VIII-e siècle). Louvain, 1959-1960, T. I-II (= Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 188, 189, 204, 205); Кекелидзе К. С. Иерусалимский канонарь VII века (грузинская версия). Тифлис, 1912.
- ⁴⁰ Bertonière G. The Historical Development of the Easter Vigil... P. 9; Renoux A. Le codex arménien... T. I. P. 28–33.
- ⁴¹ Renoux A. Le codex arménien... T. I. P. 157, 159.
- ⁴² Ibid. P. 165.
- ⁴³ Égérie: Journal de voyage... P. 238–239; Помяловский И. В. Паломничество по святым местам... С. 140.
- ⁴⁴ Кекелидзе К. С. Иерусалимский канонарь... С. 23; Bertonière G. The Historical Development of the Easter Vigil... P. 11.
- ⁴⁵ Подробнее об истории текста этого песнопения и его переводах см.: Mateos J. Un horologio inédit de Sant-Sabas: Le Codex sinaïtique grec 863 (IXe siècle) // Mélanges Eugène Tisserant, vol. III. Orient Chrétien. Citta del Vaticano, 1964, p. 56, 70-74 (= Studi e Testi, 233).
- ⁴⁶ Кекелидзе К. С. Иерусалимский канонарь... С. 88–93; Tarchnischvili M. Le grand lectionnaire... T. I. P. 107–113.
- ⁴⁷ В любопытной приписке из греческой Псалтыри 1149 года, опубликованной А. И. Пападопуло-Керамевсом, составление песнопения *Свете тихий* непосредственно связывается со схождением благодатного огня в церкви Воскресения в Иерусалиме (Пападопуло-Керамевс А. И. Рассказ Никиты, клирика царского... С. III–IV).
- ⁴⁸ Успенский Н. Д. Православная вечерня. Историко-литургический очерк // Богословские труды. М., 1961. Вып. 1. С. 7–16.
- ⁴⁹ Успенский Н. Д. Православная вечерня... С. 15–16.
- ⁵⁰ Ordo in sabbato sancto. См.: Andrieu A. Le Pontifical romain au Moyen-Âge. Città del Vaticano, 1938, T. I. Le Pontifical romain du XII-e siècle. P. 238–249 (= Studi e Testi, 86).
- ⁵¹ PL, t. 30, Epist. XVIII. De cereo Paschali, col. 182–188.
- ⁵² О граде Божию, Кн. 15, гл. 22: Августин Блаженный. О Граде Божию. Киев, 1906. С. 121 (Библиотека творений святых отцов и учителей Церкви западных, издаваемая при Киевской Духовной академии. Кн. 10, ч. 3, изд. 2-е); PL, t. 41, col. 467.
- ⁵³ Égérie: Journal de voyage... P. 290–291; Помяловский И. В. Паломничество по святым местам... С. 161.
- ⁵⁴ Эта молитва сохранилась в западной традиции как особая пасхальная молитва (praescenium paschalis), состоящая из вступления (Exultet jam angelica turba caelorum) и собственно молитвы, начинающейся традиционным Vere dignum et justum est. Примечательно, что двухчастная структура этой молитвы близка структуре восточной евхаристической молитвы (Giraud C. Questa è la notte di cui fu scritto: «E la notte sarà la mia luce!». Le ascendenze biblico-giudaiche dell'«Exultet» // Rassegna di theologia 25 (1984) P. 112-131, 227-243), а древнейшие сохранившиеся списки известны в виде свитков (Cavallo G. Rotoli di Exultet dell'Italia Meridionale. Bari, 1973), подобно древним византийским и иерусалимским свиткам-кондакионам, содержащим евхаристические молитвы (например, в Exultet из Салерно первой половины XIII в. имеется и изображение возженных свечей, см. Cavallo G., D'Aniello A. L'Exultet di Salerno. Roma, 1994, Tav. VI).
- ⁵⁵ Rahlfs A. Die alttestamentlichen Lektionen der griechischen Kirche... S. 205, 219.
- ⁵⁶ Höeg C., Zuntz G. Remarks on the Prophetologion // Quantulacumque. Studies presented to Kirsopp Lake by Pupils, Colleagues and Friends. Ed. by R.P. Casey, S. Lake and A.K. Lake. London, 1937. P. 221.

⁵⁷ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. III (первая половина). Пг., 1917. Т. III (первая половина). Топикъ; Ч. II. С. 20, 63–64, 69.

⁵⁸ Дмитриевский А. А. Древнейшие патриаршие Типиконы... С. 95.

⁵⁹ Веневитинов М. А. Житъе и хоженъе Данила... С. 131.

⁶⁰ Taft R. The Byzantine Rite. A Short History. Collegeville, 1993. P. 45–47.

⁶¹ Ibid. P. 54.

⁶² Фульхерий Шартрский подчеркивает, что «если бы в каком-нибудь году он (огонь. — А. П.) не сошел, то язычники, наблюдавшие и следившие за этим, немедленно умертвили бы всех». (Дмитриевский А. А. Древнейшие патриаршие Типиконы... С. 96).

⁶³ Дмитриевский А. А. «Благодать святого огня» на Живоносном Гробе Господнем в Великую Субботу. СПб., 1908. С. 11–23.

Блаженнейший Патриарх Иерусалимский Диодор выносит Святой Огонь из Кувуклии в Великую Субботу